

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПУШКИН В XXI ВЕКЕ:
ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ,
ОНТОЛОГИИ, ИСТОРИЦИЗМА**

**СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Ю.Н. ЧУМАКОВА**

Ответственный редактор *Т.И. Печерская*

Новосибирск

Ф.З. Канунова

ПУШКИН В «МОСКОВСКОМ ВЕСТНИКЕ» (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ)

I

Первый раз о Пушкине и «Московском вестнике» я писала в своей кандидатской диссертации «Общественная и литературная позиция “Московского вестника”» (н. р. Б.М. Эйхенбаум), которую защитила в ноябре 1948 г. Это было уже очень тяжелое время борьбы с низкопоклонством перед Западом и прямое предвестие дикого пошвиста борьбы с космополитизмом и, естественно, что сказать в полный голос о значении эстетики любомудров-шеллингианцев, об их несомненном вкладе в русскую эстетику пушкинской поры, да и вообще в полной мере осветить смысл союза Пушкина с группой «Московского вестника» я не могла.

И все-таки я, насколько позволяли обстоятельства, утверждала близость Пушкина с такими деятелями и даже вдохновителями журнала, как Д.В. Веневитинов, А. Рожалин, И. Киреевский. Пушкину была близка в Веневитинове и других любомудрах борьба с дилетантизмом в литературе и критике, стремление к единому и синтезирующему объяснению явлений литературы в противоположность господствующему эмпиризму в теории и истории словесности.

В известной статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности» Пушкин писал: «Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что наука сделала шаг вперед... теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству»¹. И это достижение Пушкин, как дальше видно из приведенной статьи, связывает с деятельностью некоторых из любомудров. Пушкину был близок Веневитинов, который в своей полемике с Н. Полевым по поводу гл. I «Евгения Онегина» настаивал на подчиненности поэтического произведения единой идее, на «неразлучности поэзии с философией». «В критике, — говорит Веневитинов, — должно быть основание положительное... всякая наука положительная заимствует свою силу из философии... поэзия неразлучна с философией»². Эта же мысль пронизывает разбор рассуждений Мерзлякова, сделанный Веневитиновым в 1826 г. Пушкин весьма одобрительно, как свидетельствуют современники, отнесся к статье Веневитинова о гл. I «Евгения Онегина»: «Это единственная статья, которую я прочел с любовью и вниманием. Все остальные — или брань, или преслащенная дичь»³. Пушкин знал, конечно, и напугумевшую программную статью Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала»⁴, которая во многом соприкасалась с пушкинской запиской «О народном воспитании».

Мне приходилось писать о сложности отношений Пушкина с любомудрами и о беспорном следе, который оставил поэт за время своего активного участия в журнале (это были 1827 — 28 гг.). Не могла я в свое время из-за крайне враждебных подлинной науке обстоятельств развернуть проблему Пушкин и шеллингианство. Несмотря на неоднозначное отношение Пушкина к «немецкой метафизике», он, бесспорно, понимал благотворность влияния философского направления: «Германская филосо-

фия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорила она языком мало понятным для непосвященных, но, тем не менее, их влияние было благотворно и час от часу становится ощутительнее» (X, 344).

Суть этого благотворного влияния в нашей науке достаточно глубоко раскрыта. В свое время я об этом говорить не могла. Даже робкая попытка показать роль группы «Московского вестника» в развитии эстетики романтизма, посмотреть на любомудров как в определенной мере на преемников литераторов-декабристов и увидеть точку соприкосновения с Пушкиным вызывала резкое неприятие официальной «науки».

Сегодня, когда мы обрели свободу правдиво исследовать литературный процесс, суть благотворного влияния шеллингианства, о котором говорил Пушкин, очевидна. Пушкин не мог не заметить положительного влияния Шеллинга, сначала он ощутил его через А. Галича, увидевшего в шеллингианстве высшую идеальную эстетическую систему, утвердившую приоритет творческой фантазии, идеи красоты, безмерно возвышающей искусство как «свободного творения духа человеческого» и само понимание творческой силы как соединение бессознательного божественного вдохновения с сознанием художника, а красоты как гармонии конечного и бесконечного.

Пушкин воспринимал любомудров как школу русского идеализма. Она дала художнику возможность обратиться к загадкам души и была тем предвестием диалектики души, без которой не было бы ни Пушкина, ни Толстого, ни Достоевского. Еще Б.М. Эйхенбаум, говоря о психологизме Лермонтова, утверждал родственность его эстетических постулатов с убеждениями Веневитинова. Говоря о том, что Лермонтов, так же, как и Пушкин, был учеником С.Е. Раича и усердным читателем «Московского вестника», осуществившего идеи Веневитинова и любомудров, Б.М. Эйхенбаум цитировал известную статью талантливого критика «Московского вестника» «Несколько мыслей в план журнала», в которой призыв к самопознанию определялся как основная цель человеческой деятельности, которой живет подлинная поэзия. Утверждая поэзию мысли, самоанализа, Веневитинов писал: «Первое чувство никогда не творит и не может творить, потому что оно всегда представляет согласие. Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе и тогда, уже снова обратившись в чувство, является в произведении. И потому истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения...».

Поэзия, по Веневитинову, должна более думать, нежели производить, ее важнейшая цель – это цель самоусовершенствования. Под этим углом зрения критики «Московского вестника» по-новому осмыслили поэзию Пушкина, ее эволюцию. Об этом говорит Ю.В. Манн, оригинально и глубоко интерпретируя статьи Веневитинова и И. Киреевского о Пушкине¹⁰.

Стремясь обрести полное знание о человеке, последекабристское поколение в центр своей эстетической концепции ставило познающую и самопознающую личность, видя именно в этом основной признак действия.

Говоря об эволюции Пушкина и видя величайшее художественное достижение поэта в «Борисе Годунове», оба критика – и Веневитинов, и И. Киреевский – делают акцент на объективности поэта. «Личность поэта, – скажет Веневитинов о «Борисе Годунове», – не выступает ни на одну минуту; все делается так, как требует дух века и характер действующих лиц»¹¹. Важнейшей чертой зрелой поэзии Пушкина, наряду с ее объективностью, является ее идеальность. «Человек не весь утопает в жизни действительной, – скажет Киреевский. – Лучшая сторона нашего бытия сторона идеальная, которую не жизнь дает нам, а мы даем жизни». Влияние Жуковского на Пушкина проявилось в том, что И. Киреевский определяет как равнодушие ко всему, что не Душа, что не любовь – неясное стремление к лучшему. Источником этого стремления является, с точки зрения любомудров, христианская религия, которая сыграла огромную роль в культуре мира. По убеждению И. Киреевского, автора об-

зорной статьи «Девятнадцатый век», в России христианская религия была «еще чище и святее»¹² и во многом определила идеальность романтического искусства.

Об этом неустанно говорили литераторы-декабристы после 1825 г.: «...по духу и сущности, – пишет Бестужев, – есть только две литературы: это литература до христианства и литература со времен христианства. Я назвал бы первую литературой судьбы, вторую – литературой воли <...> во второй царствует душа, побеждает мысли»¹³. Христианская вера, воплощенная в истинных правилах Евангелия, пришла к людям посредством слова, суть которого в возвышении человека. Евангелие, по убеждению Бестужева, явилось высокой романтической «поэмой», «первообразом новой словесности, первым рассадником идеализма»¹⁴.

II

«Московский вестник» был журналом историков во главе с редактором М. Погодиным, статьи которого, начиная с напумевших в свое время «исторических афоризмов», вызывали интерес Пушкина. Преимущественное внимание к проблемам истории – характерное явление для последекабристской эпохи. «История в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития. Направление историческое обнимает все»¹⁵. В центре философско-исторической мысли того времени, в том числе и погодинских «Афоризмов», стояли вопросы о смысле истории, о свободе и необходимости, о том, в какой мере действия и поступки людей могут оказать влияние на ход истории. Это были коренные вопросы общественной жизни последекабристской России. Присущий Пушкину глубокий и напряженный интерес к истории необычайно возрос к 1830-м гг. Поэта глубоко волновали не только отдельные конкретные темы русской и мировой истории, но и общие проблемы исторического познания. Поэт внимательно следит за развитием философско-исторической мысли.

Характерный в целом для эпохи процесс сближения истории с философией волновал поэта. Именно он утверждал, что для раскрытия внутренних связей и глубокого смысла исторических явлений необходимо осветить их «светильником философии».

Важнейшая философско-историческая проблема, волновавшая и Пушкина, и историков «Московского вестника», это, как указывалось, проблема свободы и необходимости. Утверждая вслед за Гизо, что история «торжество необходимости» и усматривая в этом «великое достоинство французского историка» (XI, 127), Пушкин вместе с тем придает большое значение роли случая – «мощного, мгновенного орудия Провидения» (XI, 127). В представлении Пушкина, признание исторической необходимости не исключает ни значения личной воли, ни роли случая. Эти убеждения Пушкина углублялись, кристаллизовались в процессе полемики с историческими воззрениями редактора «Московского вестника».

Погодин опубликовал в журнале статью «О характере Иоанна Грозного», которую он читал Пушкину, о чем свидетельствует его запись в дневнике от 4 января 1829 г.: «Прочитал Пушкину об Иоанне Грозном»¹⁶. Пушкин не соглашается с принципиальным неприятием Погодиным роли случайности в истории, что отразилось на трактовке историком роли Иоанна IV (к проблеме роли случая в истории поэт возвращался неоднократно – в заметке о «Графе Нулине», в статье об «Истории» Н. Полевого и др.). Поэт придавал огромное значение роли человеческой воли. Отсюда большое внимание к личности Петра I. В его деятельности Пушкин видел «победу человеческой воли над сопротивлением стихий».

В последекабристской России особую остроту приобрела проблема исторической роли российского самодержавия, проблема просвещенной монархии. Во многом этим объясняется широкое распространение темы Петра I в русской литературе конца 1820 – 30 гг. Сразу же после возвращения из своего михайловского заточения Пушкин

обратился к теме Петра I, пишет «Стансы», печатает их в «Московском вестнике», в конце июня 1827 г. он начинает роман «Арап Петра Великого», в октябре 1828 г. пишет «Полтаву». Деятельность Петра I, широко развернутая в творчестве Пушкина, должна была стать своеобразной программой действий для Николая I. Это подтверждается своеобразной политикой Николая I, который должен был после 14 декабря 1825 г. серьезно задуматься над острыми проблемами государственного правления.

В результате образования «комитета 26 декабря» под председательством князя Кочубея заговорили в обществе о благоприятных симптомах в деятельности Николая I, и надежда на нового царя усиливается. Так, по свидетельству Н. Барсукова, «в кругу Погодина рассказывают о прекрасных действиях государя»¹⁷. Свои надежды выражает Пушкин в письме к Вяземскому: «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации контрреволюции революции Петра... Ограждение дворянства, подавление чиновничества... новые права мещан и крепостных – вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу»¹⁸. Так появляется у Пушкина ряд произведений о Петре I.

Интерес к Петру I характерен и для «Московского вестника» в период 1827 – 29 гг. «Петр I, – читаем мы в «Московском вестнике», – великий преобразователь России, представитель своего народа, содержатель всех нравственных и вещественных его сил... Великий подвиг Петра еще не довершен...»¹⁹. Пушкин органично вписывается в этот контекст: его «Стансами» как программным произведением открывается № 1 за 1828 г. Великий поэт настойчиво рекомендует Погодину осуществить известный ему замысел трагедии «Петр I»: «Пишите Петра, не бойтесь его дубинки», – говорит Пушкин²⁰. Тема Петра волнует и других участников журнала. А.И. Кошелев пишет сочинение о Петре I, И. Киреевский говорит о Петре в «Царицынской ночи». Петр I представляется Погодину, по сравнению со всеми последовавшими за ним русскими царями, титаном. Этим объясняется широкое использование темы Петра в журнале Любоумров²¹.

Живое ощущение эпохи и обостренное чувство историзма в «Московском вестнике» проявилось в том, что тема Петра I в журнале глубоко идейно связана с другой исторической темой – Бориса Годунова и смуты. Здесь на первый план тоже выдвигалась проблема народа и царя, столь важная для последекабристского времени. И. Киреевский в «Царицынской ночи» устами своего героя выражает особенный интерес к этому периоду русской истории. «Мне пришла мысль, – говорит герой «Царицынской ночи», – представить Борисово царствование в романе. Ничего нет загадочнее русского народа в это время. Не все же кланялись восходящему солнцу. Представьте себе человека, который равно ненавидит Годунова как цареубийцу-похитителя и Гришку как самозванца, к чему он привяжет слово “отечество”. Мне кажется, здесь в первый раз русский задумался о России. К тому же голод, тюрьма, бесплодные войны, беспрестанные восстания народа и бедствия того времени должны были невольно связать умы в одно общее стремление; этим только объясняется после возможность успехов Минина и Пожарского»²². И далее, возражая своему спутнику, этот герой доказывает, что исторический сюжет важно использовать для современности и с точки зрения современности: «Неужели ж ты думаешь, что перенесясь в прошедшее, можно совершенно отказаться от текущей минуты. А когда бы и можно было, то должно ли. Только отношение к нам дает и смысл, и цену окружающему, и потому только настоящее согревает нам историю»²³. И как образец темы, проблематика которой актуальна, Киреевский указывает на царствование Бориса Годунова.

Тема Бориса Годунова и смуты широко представлена в «Московском вестнике». «Московский вестник» открывается сценой из «Бориса Годунова» Пушкина – «Келья в Чудовом монастыре». Выбор именно этой сцены не является случайным. Царь-узурпатор – это не только намек на современность, это символ монархиче-

ского деспотизма вообще. Пимен, в котором собраны, по мнению Пушкина, все лучшие черты русского человека, выполнивший сполна свой гражданский долг перед отчизной, был поставлен свидетелем злодейств Бориса. Пимен, набожно относящийся к власти царя, убедительно свидетельствует о том, что «владыкою себе цареубийцу мы нарекли». Он произносит свой суд над Борисом, а возбужденный его словами Григорий бросает гневный вызов царю-узурпатору.

Сцена «Келья в Чудовом монастыре», отдельно помещенная в журнале, имела несколько иной смысл, чем в полной трагедии. В журнале отсутствует вопрос о трагедии царской власти как таковой. Остается тема осуждения царя-узурпатора. Обнажается аморализм властителя, разрыв между нравственностью и политикой, который открывается историей. Борис только убийца, читатель ничего о нем не знает, кроме рассказа Пимена, на стороне которого и доверие, и симпатии читателей. Вопрос о монархе вообще не снимается, а ставится на первый план.

Пушкинская трактовка Бориса была в чем-то глубоко понята группой «Московского вестника». Характерно отношение Погодина к «Борису Годунову» Пушкина. Являясь профессионалом-историком и требуя критического отношения к рукописному материалу, Погодин спорит с Карамзиным по вопросу об убийстве царевича Димитрия Борисом²⁴. Как ученого его этот вопрос живо интересовал. Однако пушкинская трактовка Бориса его также очень интересовала. Именно сцена «Келья в Чудовом монастыре» произвела наиболее сильное впечатление на Любоумров: «Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена. Мне послышался живой голос русского древнего летописателя»²⁵. В воспоминаниях летописца о прошлом и оценке современного состояния прослеживается недвусмысленное противопоставление владык различных типов. Оказавшись в суровых условиях последекабристской реакции, многие лучшие люди России, включая Пушкина, отдали дань идеям просвещенного абсолютизма²⁶.

Важнейшую идейно-эстетическую роль в опубликованной сцене «Келья в Чудовом монастыре» играет образ Пимена, это, по признанию поэта, герой, созданный на основе летописей и «Истории» Карамзина. В нем запечатлены черты русского национального характера, «достигнутого в его развитии и постоянстве, обновляющего и вместе неизменного». Общеизвестны слова Пушкина о своем герое: «Характер Пимена не есть мое изобретение», – писал поэт издателю «Московского вестника». – В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодупшие, умильность, кротость, нечто младенческое и вместе мудрое... совершенное отсутствие суетности, пристрастия – дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших». Или в другом месте: «Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; это трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов» (XI, 68). Т. е. нравственно-исторические и эстетические источники образа Пимена, по признанию Пушкина, летописи и бессмертный труд Карамзина. В научной литературе достаточно убедительно показано, как в процессе изучения летописей и Карамзина Пушкин сам глубоко овладевал особенностями летописного мышления²⁷.

В ряду исторических проблем «Московского вестника» особое место занимает отношение журнала к «Истории Государства Российского» Карамзина. Пушкин polemизирует с Погодиным, допустившим в «Московском вестнике» критические выпады против «Истории» Карамзина и тем более решительно он не принимает отношения к «Истории» Карамзина Н. Полевого, одного из главных оппонентов Карамзина. Общеизвестна критическая оценка Пушкиным «Истории» Полевого, где Пушкин специально останавливается на проблеме слога «Истории» Карамзина. «Г-н Полевой, – пишет Пушкин, – весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее, он говорит о нем почти с

презрением». Великий русский поэт опровергает это решительно, говоря с сарказмом и глубокой иронией о том, что «ни остроумие», «ни воображение», «ни способность живо чувствовать» не могут спасти автора «Истории русского народа», которому «искусство писать» чуждо до такой степени, что «в его сочинениях картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано, затемнено» (VII, 139).

Высокая художественная культура «Истории Государства Российского», принципиальное новаторство Карамзина, глубоко прочувствованное Пушкиным, с полным правом утверждавшим, что «История народа принадлежит поэту» – обо всем этом справедливо и обстоятельно рассуждает исследователь Пушкина Н.М. Тойбин²⁸. Единственно, в чем автор был не прав, – это в утверждении, что Пушкин был первым, кто подошел к оценке «Истории» Карамзина с принципиально иных позиций, прямо подчеркивая ее художественную природу.

Первым и в этом вопросе был Жуковский, но исследователь не мог знать обнаруженных нами на «Истории русского народа» Полевого помет Жуковского, свидетельствующих о том, что в оценке «истории» Полевого Жуковский был принципиально близок Пушкину.

Жуковский, по всей видимости, прочитал «Историк» Полевого сразу же по выходе ее в свет в 1829 – 30 гг. Это было время его большого интереса к истории в связи с творческими поисками и интенсивной педагогической деятельностью. Более всего помет, выражающих несогласие с Полевым, вызвала историографическая часть «Введения», особенно в связи с рассуждением автора об «Истории» Карамзина²⁹. Жуковский решительно спорит с Полевым по принципиально важному для него вопросу о художественности «Истории Государства Российского». Так, в своем историографическом предисловии Н. Полевой скептически относится к словам Карамзина о том, что главное достоинство «истории» заключается в «красоте и силе повествования»³⁰. «Всякая история хороша, – возражает Полевой, – если она и не красноречиво написана»³¹. Против этих слов Жуковский записывает на полях свое решительное несогласие: «Если историк этого не умеет, то для кого он трудится»³². Он убежден в том, что «История Государства Российского» – «сокровище для языка, для поэзии, для той деятельности, которая должна была родиться в умах». Карамзин-художник сумел, как пишет Жуковский, создать историю, которую «можно назвать воскресением пропавших веков нашего народа»³³. Т. е., повторимся, что здесь Жуковский подтверждает слова Пушкина: «История народа принадлежит поэту».

Весьма показательны, что Жуковский, а вслед за ним и Пушкин, в связи с «Историей Государства Российского» вплотную подошли к понятию «история-искусство», которое через сорок лет уточнит Лев Толстой. Метод Карамзина-историка, синтезировавшего историческое и художественное, был чрезвычайно близок и Жуковскому, и Пушкину.

Таким образом, исторические и художественные интересы Жуковского и Пушкина слились воедино в процессе их исследования «Истории» Карамзина. На перекрестке этих интересов рождались не только творческие замыслы Жуковского (от поэмы из истории Киевской Руси «Владимир» до поэтического переложения «Слова о полку Игореве»), но и великие исторические произведения Пушкина – от «Бориса Годунова» до «Капитанской дочки».

Примечания

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР. 1937 – 1949. Т. VIII. С. 198. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц в скобках.

² Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. 1934. С. 220.

³ Там же. С. 207 – 214.

⁴ Там же. С. 125 – 126.

⁵ Там же. 215 – 220.

⁶ См.: *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика. М., 1969; *Маймин Е.А.* Русская философская поэзия. М., 1976. С. 3 – 143 и др.; *Он же.* О русском романтизме. М., 1975; *Морозов В.Д.* «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск, 1990 и др.

⁷ Об этом красноречиво говорит защита моей диссертации, когда после весьма положительных отзывов официальных оппонентов П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского выступил москвич В. Архипов с разгромной речью, в которой он обвинил диссертанта в игнорировании классовой борьбы в литературе, в проповеди т. н. теории «единого потока». Ведь В.И. Ленин говорил: «...декабристы разбудили Герцена», причем же здесь любомудры. После этого глубокомысленного выступления слово в мою защиту взяли В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, Н.Н. Мордовченко, М.К. Азадовский, второй раз выступили мои оппоненты... Это было прямое предвестие той борьбы с пизкопоклонством перед Западом и космополитизмом, которая развернулась в 1949 г. и перевернула жизнь ФилФ ЛГУ.

⁸ См., напр., статью Андросова в МВ «О начале идеализма», в которой подчеркивался приоритет синтеза знания и веры. Уже идеализм Платона «возвышается до духа веры». На высшей стадии художественного познания разум бессилён, нужна вера.

⁹ *Веневицинов Д.В.* Указ. соч. С. 216 – 219.

¹⁰ См.: *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика. С. 36 – 41.

¹¹ *Веневицинов Д.В.* Указ. соч. С. 219.

¹² *Киреевский И.В.* Эстетика и критика. М., 1979. С. 93.

¹³ *Марлинский А.* Второе полн. собр. соч.: В 4 т., 12-ти чч.; 4-е изд. СПб., 1847. Ч. 11. С. 165.

¹⁴ *Бестужев А.А.* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 98.

¹⁵ *Киреевский И.В.* Эстетика и критика. С. 59 – 60.

¹⁶ Пушкин и его современники. Вып. 19 – 20. С. 93.

¹⁷ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Пб., 1888. Т. III. С. 4.

¹⁸ *Пушкин А.С.* Письма / Под ред. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. III. С. 4.

¹⁹ *Московский Вестник.* 1828. № 15. С. 48 – 69.

²⁰ *Пушкин А.С.* Письма. Т. I. С. 30.

²¹ О полемичности Пушкина в его трактовке Петра I по отношению к Погодину см.: *Тойбин Н.М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830-х годов. Воронеж, 1980. С. 62 – 66.

²² *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. / Под ред. М.О. Гершензона. М., 1910. Т. II. С. 147.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ См. указ. работу Н.М. Тойбина.

²⁵ *Барсуков Н.* Указ. соч. Т. II. С. 44.

²⁶ См.: *Морозов В.Д.* Указ. раб. С. 117.

²⁷ См. об этом в указ. раб. Н.М. Тойбина.

²⁸ Там же. С. 120 – 121.

²⁹ См. об этом: *Канунова Ф.Э.* Н. Полевой-историк в восприятии В.А. Жуковского // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию С. Шмидта. М., 2000. С. 383 – 388.

³⁰ *Полевой Н.* История русского народа. М., 1829. Т. I. С. XXXV.

³¹ Там же. С. XXXVI.

³² Там же.

³³ *Жуковский В.А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 366.